

Кто выиграет, а кто проиграет «Арабской весны»

Category: Kitarcy, Publisistika

написано kitarcy | 22 января, 2025

Кто выиграет, а кто проиграет "Арабской весны" КТО ВЫИГРАЕТ, А КТО ПРОИГРАЕТ ОТ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»

Данная статья основана на выступлении автора на ближневосточной секции Валдайского клуба, которая состоялась в Сочи в феврале 2012 года.

Волна перемен на Ближнем и Среднем Востоке доказывает, что пора отказаться от традиционных подходов. Слишком многие существующие парадигмы просто не позволяют осмыслить происходящие сейчас процессы.

На протяжении десятилетий в литературе о постколониальных арабских странах доминировал культурологический подход. Исламскую и арабскую культуры называли главным препятствием на пути демократизации и социальных реформ в регионе. Племенные образования и разветвленные семейные и родовые связи рассматривались как основная преграда для демократизации Ближнего Востока. Считалось, что в силу патриархальной сути общества арабы всегда находятся в зависимости от могущественного отца-старейшины, чего демократия по своей природе не предполагает.

Несостоятельность культурологического подхода особенно ярко продемонстрировали события «арабской весны». Ни ислам, ни авторитет старейшин не помешали демонстрантам на каирской площади Тахрир требовать политического плюрализма, равноправия и отставки одиозных правителей.

Поскольку культурологическая парадигма себя изжила, какую альтернативу можно предложить?

■ «Арабская весна» как фактор разъединения

Хотя революции в Египте, Тунисе и Ливии были успешными, прочно

укоренившиеся основы автократий в этих странах остались на прежнем месте. Поэтому я предлагаю структурный подход как наиболее адекватный для анализа нынешних событий.

Сфера внутренней политики проблемных арабских режимов неразрывно связана с международной политической системой: именно она, а не собственные избиратели дает этим лидерам политическую легитимность. Уникальные отношения глав этих государств в международной политической системе основываются на одной особой черте, которая объединяет большинство арабских стран. Стратегическое геополитическое положение и огромные запасы энергоресурсов на их территории придают этим державам особую роль в региональных и международных делах. Они наделяются возможностями воздействия на мир и безопасность.

Применительно к этому региону принято употреблять наименование «Ближний Восток», а некоторые комментаторы классифицируют нынешние события как «формирование нового Ближнего Востока». Но давайте вспомним, откуда взялся сам этот термин. Он появился в британской колониальной политике и в начале XX века использовался для обозначения территории, расположенной на полпути между Лондоном и Индией. Ныне регион сохраняет название, хотя и с изменившейся геополитической коннотацией: он стал ассоциироваться с международной энергетической политикой и проблемами безопасности, особенно связанными с Израилем.

Однако если мы действительно хотим понять последние события и прогнозировать их развитие, следует отказаться от таких упрощенных, ненаучных терминов.

Разумеется, существуют определенные общие культурные, политические и экономические характеристики, присущие для стран региона. Но это сходство не исчерпывает разнообразные национальные и местные особенности, которые развивались в результате уникального исторического пути каждого отдельного государства. Исход «арабской весны» будет разным для каждой из затронутых стран. И именно эти отличительные черты, а не воображаемая общность должны находиться в центре внимания экспертов. Вместо «формирования нового Ближнего Востока» события «арабской весны» скорее ведут к разъединению региона.

■ Дилеммы суверенитета

«Арабская весна» и в особенности резолюции Совета Безопасности ООН по Сирии обнажили борьбу, которую ведут в кулуарах влиятельные акторы.

Традиционно основой международной политической системы являются так называемые Вестфальские нормы, согласно которым «национальный суверенитет» – единственный столп, на который опирается сообщество государств. Неприкосновенность суверенитета – привилегия каждого государства в этой системе. Данному принципу противоречит новая норма, введенная ООН, которая рассматривает суверенитет не как привилегию государства, а как ответственность по защите прав человека и безопасности людей, живущих в пределах государственных границ. Очевидно, что полноценное применение одновременно двух этих норм совершенно невозможно.

Взглянем на проблему на практике. Вполне можно представить политика, который разумно действует на международном уровне, но является ужасным диктатором дома, представляя угрозу для жизни своих граждан. Что делать? Здесь происходит столкновение принципов неприкосновенности суверенитета и обязанности защищать граждан. В Резолюции СБ ООН 1973 по Ливии предпринята попытка найти компромисс между двумя нормами, хотя и с достаточно спорным успехом. Максима о невмешательстве во внутренние дела режима Каддафи противоречила формальной гуманитарной цели интервенции: казалось, что лучшим способом обеспечить защиту мирных жителей является немедленная смена режима Каддафи.

Такой же вопрос ставит перед мировым сообществом и в частности перед Советом Безопасности ООН ситуация в Сирии. Однако фундаментальный шаг по повышению значимости принципа об «обязанности защищать» и понижению нормы о невмешательстве пока не был предпринят. «Обязанность защищать» часто представляют как ящик Пандоры, ситуацию беззакония в международной системе, когда любое государство может быть атаковано, если другое, более мощное, этого захочет. Но это неверно.

Обязанность защищать базируется на уже существующих инструментах, таких как посредничество, механизмы раннего предупреждения, экономические санкции и полномочия, прописанные в главе VII Устава ООН. Основой этого процесса является посредничество, предусматривающее участие негосударственных акторов, таких как организации гражданского общества, региональные структуры и международные институты, с целью предотвратить массовые злодеяния. Только в случае провала подобных усилий военное вмешательство становится последним средством. Полномочия по применению силы, как это традиционно и было, принадлежат исключительно Совету Безопасности ООН.

Мы живем в период исторических перемен, которые бросают вызов и политикам, и наблюдателям. На пороге новой эры необходимо новое мышление, новые парадигмы, новые нормы.

Вудро Вильсон когда-то говорил: «Семена революции – в репрессиях». Самое полное воплощение этого изречения – последние события в арабском мире. Там репрессии сочетались с множеством других пороков: неэффективностью правительства, отсутствием государственной структуры, высоким уровнем безработицы, массовой бедностью, авторитаризмом, отсутствием демократии и коррупцией.

■ Почему неприменима турецкая модель?

Кто победители, а кто проигравшие в результате «арабской весны»? Просмотрев огромное количество публикаций на эту тему, можно обнаружить чрезмерное внимание к теме ислама и исламских партий. «Братья-мусульмане», «Ан-Нахда» и салафиты постоянно являются предметом обсуждения, в то время как детальное изучение социальных изменений и взаимодействий игнорируется. Это особенно справедливо для тех сфер жизни общества, где религия играет второстепенную роль, например, в экономике.

Политологи доказали, что демократия не существует лишь как набор норм и политических институтов. Принцип «один человек – один голос» прежде всего нуждается в экономическом фундаменте. Отсутствие такого основания способствует укреплению

авторитарной власти. Целью арабских восстаний было и остается не только свержение режимов, но и практически в равной степени требование справедливого распределения экономических ресурсов, которые слишком долгое время тратились впустую или разворовывались.

Взаимосвязанное продвижение экономики и демократии можно наблюдать в Турции уже 30 лет. Либерализация экономики и создание условий для появления предпринимателей, в первую очередь в городах Центральной Анатолии, позволили правительству Тургута Озала и моему кабинету заложить основы плюрализации политики и механизмов принятия решений. Одновременно с быстрым ростом экономики и доходов на душу населения происходило расширение демократии. Означает ли это, что арабским странам, чтобы прийти к демократии, необходимо просто последовать примеру Турции?

По всей видимости, именно этого ожидают сейчас многие наблюдатели и аналитики. При этом часто упоминается турецкий секуляризм. Несомненно, в целях обеспечения стабильной демократии определенная форма секуляризма обязательна. Кемалистский секуляризм был введен в Турции в 1920-х гг. волевым решением, которое реализовывалось сверху, и потребовалось много времени, чтобы это стало доминирующей тенденцией в обществе в целом. Однако сейчас авторитарные меры, безусловно, вызовут отторжение.

Сегодня принято проводить аналогию между исламскими партиями в арабских странах, такими как «Ан-Нахда» или «Братья-мусульмане», и турецкой консервативной исламской Партией справедливости и развития (ПСР). Однако такое сравнение довольно спорно. В Турции исламские партии приобретали опыт работы в рамках демократической системы на протяжении около 50 лет. И это определенно оказало сдерживающее воздействие. У арабских исламистов, напротив, практически не было возможности познакомиться с демократическими институтами или партийной политикой.

В последних публикациях о внешнеполитическом курсе Турции подчеркивается растущий разрыв между западными и турецкими интересами. Активная и продуманная региональная политика,

начатая премьер-министром Тургутум Озалом и автором этих строк, еще больше укрепились кабинетом ПСР. Однако Турция в силу своего стратегического геополитического положения и особых потребностей безопасности в этом нестабильном регионе не может позволить себе полностью отказаться от западных и американских военных технологий и данных разведки.

Интересно, что социологические исследования показывают – арабский мир хотел бы видеть более прочные отношения Анкары с Евросоюзом: 64% опрошенных арабов заявляют, что привлекательность Турции для арабского мира и дополнительный аспект стабильности и прогресса в регионе могут быть обеспечены, только если Анкара сохранит тесные связи с ЕС. То же справедливо и для турецко-израильских отношений: арабские страны нуждаются в государстве, которое пользуется доверием обеих сторон и может способствовать разрыву порочного круга, в котором они находились так долго.

Все это означает, что Анкара по-прежнему является и еще длительное время останется ключевым союзником Запада, разделяя его судьбу. Если Турция пострадает от нынешних событий в арабских странах, Запад неизбежно пострадает тоже; если Запад предпримет неверные шаги, Турция станет страной, на которую это окажет самое негативное воздействие. И наоборот, если Турция сможет извлечь пользу из процесса арабской демократизации, Запад тоже от этого выиграет. Будем учитывать это, рассуждая о двух возможных сценариях развития событий.

■ Два модельных сценария

Первый сценарий, оптимистический. Прогнозировалось, что на демократических выборах после революций в арабских странах будут доминировать исламистские или по крайней мере провозглашающие исламские ценности партии. Примеры Туниса и Египта полностью подтверждают предсказание. Совершенно очевидно, что арабские исламские партии практически не имеют опыта работы в рамках демократической системы. Однако их сила заключается в умении организовать и мобилизовать массы, создать мощные социальные сети и привлечь финансовые средства.

В таких странах, как Египет, где государственные институты невероятно слабы, управленческие возможности исламских организаций являются очень ценным активом. Если они захотят использовать все свои инструменты, от талонов на еду и уборки мусора до образования, потребуется не так много времени, чтобы государство укрепило позиции в обществе и сменило имидж, превратившись из угнетателя в слугу народа.

Задача государства – не только обеспечить содействие, но и создать правовую стабильность. Это особенно важно, чтобы стимулировать формирование бизнеса внутри страны, а также привлекать прямые иностранные инвестиции. Чтобы адекватно реагировать на либерализацию в арабском мире, Соединенные Штаты и в особенности ЕС должны гарантировать более свободный товарооборот и перемещение граждан. Старой политике «инфантилизации» арабских стран путем предоставления им международной финансовой помощи должен быть положен конец.

По меньшей мере несправедливо, что Евросоюз и США закрывают свои рынки именно для той продукции, в которой у арабских стран есть относительные преимущества. Процесс создания зоны свободной торговли в Средиземноморье, которую ЕС обещал к 2010 г., далек от завершения. Также стоит порекомендовать, чтобы Евросоюз одновременно с более либеральной и открытой экономической политикой в отношении вступивших на путь демократизации арабских стран пересмотрел и реформировал свою визовую политику.

Второй сценарий, пессимистический. Приход к власти демократически легитимных исламских лидеров – то, что Фидель Кастро называет «возобновлением диктатуры, на этот раз эксплуатируемых против эксплуататоров».

Исламисты превращают демократизацию в средство защиты своей собственной особой системы распределения ресурсов, контролируемой не старыми элитами, а новым кругом влиятельных деятелей. Они отвергают плюралистическую демократию, основанную на секуляризме, как западное изобретение, и провозглашают формирование «арабской» демократии, базирующейся на религии, патриархальных концепциях и законах шариата. Предвестником того, что может произойти, стал визит Реджепа

Тайипа Эрдогана в Египет в сентябре прошлого года. Его заявление о том, что необходимым условием выживания мусульманской демократии является секуляризм, вызвало острую критику со стороны «Братьев-мусульман», которые осудили немусульманскую природу концепции.

При подобном сценарии легко себе представить, что древние немусульманские народы подвергнутся дискриминации. В Сирии может вспыхнуть гражданская война, и тысячи беженцев, в особенности представители религиозных и этнических меньшинств, каждый день будут прибывать в Турцию. В таких странах, как Ливан, где на протяжении многих лет держался непрочный мир, также возможны перевороты. На фоне гражданских войн вероятно скрытая борьба между исламскими организациями и противостоящими идеологическими альянсами.

Разумеется, оба сценария представляют собой модельные варианты развития событий, которые вряд ли осуществятся в чистом виде. Это абстракция, необходимая для ответа на вопрос: выиграет или проиграет Турция как одна из наиболее значимых региональных держав от нынешних изменений?

Очевидно, что второй вариант – это сценарий конца света, в котором не будет победителей. Однако его необходимо представить, чтобы подчеркнуть серьезность событий, свидетелями которых мы сейчас являемся. В случае реализации оптимистического (некоторые даже могут сказать – наивного) сценария Турция может оказаться в выигрыше, но это не произойдет автоматически. Турецким политикам придется балансировать между поддержкой реформ в арабских странах и продвижением интересов Анкары, связанных со стабильностью и торговлей в регионе.

Мы также знаем, что даже если развитие ситуации окажется ближе к оптимистическому, переход к демократии и верховенству закона в арабском мире окажется болезненным. Предстоят взлеты и падения, сопровождающиеся серьезной нестабильностью. Это означает, что Анкара, рассчитывая на выигрыш в долгосрочной перспективе, должна быть готова к краткосрочным потерям. В первую очередь они могут проявиться в увеличении миграционных потоков, а также в экономических проблемах. В любом случае и

для арабских стран, и для Запада чрезвычайно важно, чтобы Турция сохранила хорошую репутацию в арабском мире и была способна взять на себя успокаивающую и поддерживающую роль, которую Запад, в силу совершенных ранее ошибок, не может играть.

№2 2012 Март/Апрель

Месут ЙЫЛМАЗ,

Бывший премьер-министр Турции. Publisistika